

Философская рефлексия: линия, литораль, лиминальная зона

Илья Мавринский

Невидимая граница причастности. Динамическая (не)определенность границы:

РАЗВОРАЧИВАНИЕ, ЗАВЕРШЕННОСТЬ, НАЧАЛО

Ilia Mavrinsky

Unseen boundary of belonging. Border's dynamic (in)determinancy: unfolding, completeness, beginning

Илья Мавринский (доцент НИУ ВШЭ, Москва; кандидат философских наук) imavrinskii@hse.ru.

Ilia Mavrinsky (PhD; associate professor NRU HSE, Moscow) imavrinskii@hse.ru.

Ключевые слова: граница, причастность, «я», тело, свобода, складка

Key words: boundary, borderline, involvement, self, body, freedom, pleat

УДК: 114, 116, 124.2, 13, 14
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_46

UDK: 114, 116, 124.2, 13, 14
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_46

В критике эпохи модерна общими местами являются отказ от оснований, требование децентрации субъекта, оспаривание бинарных оппозиций центра и периферии, глубины и поверхности. Экспликация этих общих мест проблематизирует границу и в различных ее определенностях, и на уровне того способа, каким граница может быть мыслима. В статье посредством обращения к классическим способам тематизации границы анализируются как эвристический потенциал и возможности наследия модерна, так и онтологические истоки процессов полагания, прочерчивания и разворачивания границы.

In the critique of modernity, common themes include the rejection of foundations, the demand for the de-centering of the subject, and the questioning of binary oppositions between center and periphery, depth and surface. The explication of these commonplace assumptions problematizes the border both in its various definitions and in terms of its conceptualization. In this article, by referring to classical methods of border thematization, both the heuristic potential and possibilities of modernity's heritage and the ontological grounds of the processes of positing, marking, and unfolding the border are analyzed.

Семантическая множественность слова «граница», казалось бы, сталкивает с о-граничением, преградой, гранью, отсылая к метафоре линии, прочерчивание которой и, соответственно, пересечение связано с неопределенностью, тая-

щей в себе угрозу, опасность или утрату. В понятие границы-линии уже вложено стремление оставаться «в заданных границах», некий запрет на нарушение, если не система координат, то способ «ориентироваться на местности». Здесь граница обнаруживает себя как предел или порог. Степень неопределенности, связанная с пересечением границы, только возрастает от указания на то, что граница может быть условной, символической, подвижной или оспариваемой. Близость границы с очевидностью обнаруживает не только отличие в повседневных или культурных практиках, быте, обычаях, языках etc., но и, выражаясь в терминологии Делёза¹, изменение интенсивностей при потенциальном переходе от оседлого к кочевому. Здесь граница связывается с территорией, зоной, релятивизируется и трансформирует «пребывание на границе». Наконец, измерение времени доводит эту неопределенность до предела, указывая на неизбежность трансформации того, кто пересекает границу, на неуловимость момента этой трансформации, на возможную необратимость происходящего. Пересечение границы переводит пространственное измерение «тут — там» в темпоральное «до — после», где необходимость поиска языка, (пере)сборки собственного я и отсутствие момента «теперь» указывает на событийность, которой это пересечение рискует стать. Здесь граница проявляет себя как исток той сборки, того образа себя, которые именно из-за присутствия «той стороны» обозначают то, как сложилась (включая и сам процесс складывания) определенность на «этой».

Отношение между «тут» и «там» вовсе не является статическим, но, напротив, обладает своей напряженностью и направленностью. То, что по «эту» сторону границы в отличие от того, что находится по «ту» сторону (в психоаналитической оптике — связка «Da-Fort»), представляется обладающим устойчивой определенностью, гарантирующей безопасность, обозримость и понятность порядка практик, сохранение здравого смысла, удержание целостности, если не тождественности собственного Я. Территория Da — нормируемая и нормированная территория, территория Fort — царство случайности, спонтанности, фантазии или отбрасывания. Переход от Fort к Da мыслится как присвоение, освоение, встраивание в наличествующий порядок или возвращение. Возможность обратного движения от Da к Fort, мыслимого как утрата, развязывание или разрыв символических связей, протест или отказ, проявляет динамическую природу отношений «тут» и «там», позволяя поставить под вопрос саму границу. При этом движения «оттуда» «сюда» и обратно асимметричны: акцент на определенности и стремление к ней (полюс Da), с одной стороны, и трансформация того, что преодолевает границу в обратном порядке, трансформация возвращенного (полюс Fort), с другой — проявляют неопределенность уже самой границы-линии как в отношении ее прочерчивания, так и в отношении ее пересечения.

Вопрос о том, что происходит на границе, что происходит в тот самый момент пересечения, выхода за пределы, утраты неопределенности или, напротив, возвращения и обретения определенности — это вопрос разворачивания самой оппозиции Da-Fort и, соответственно, возможности ее (оппозиции) пре-

1 В современности именно Ж. Делёз осмысляет границу во всем многообразии ее связей с различными системами дискурсов (от психоаналитического до политического), срезами (страты, тела, стратегии субъективации), процессами (детерриторизации, подражания, захвата и ускользания), чем и оправдывается обращение к его оптике.

одоления; вопрос того пространства «между», через которое возможно внесение Различия на размечаемой территории и, соответственно, способов ориентироваться на этой территории и возможности существовать на ней; вопрос о возвращении к «начальному» состоянию и, соответственно, о необходимости соотношения себя с «истокон», будь то исток смысловой, исторический, административный или какой-либо еще.

Сама граница, равно как и то, что на ней происходит, кто на ней находится, пересекает ее в том или ином направлении, меняет, как отмечалось, свою определенность в том числе и по отношению к тому способу, каким граница прочерчена. Понимание границы как актора или чего-то, обладающего собственной агентностью, отсылает к необходимости вступать в отношения с границей или же выводить к явленности, осознанности те отношения, которые уже имеют место и закреплены в повседневных практиках, привычках, индивидуальных особенностях, способах мышления и порядках дискурса. При этом сама граница также может быть «присвоена», отношения с ней обладают собственной логикой, граница-актор, как и граница-агент, меняет свою определенность в порядке и пространстве собственного освоения. Например, третий «Квартет» Элиота начинается словами:

О богах я немного знаю, но думаю, что река —
Коричневая богиня, угрюмая и неукротимая
И все-таки терпеливая, и понятная как граница (в оригинале *frontier*. — И.М.),
Полезная и ненадежная при перевозке товаров,
И, наконец, — лишь задача при наведении моста.
<...> Но она блюдет времена своих наводнений...
...она ждет, наблюдает и ждет².

Здесь граница обнаруживает себя как особый топос, и этот топос может быть топосом памяти или забвения, нормирования или ускользания, раскрытия или герметизации.

Иными словами, в понятие границы уже включено не только разделение, но и горизонт схождения, единство, не только столкновение с тем, что имеет место по «эту» сторону, но и подразумевание «той» стороны, не только преграда, но и возможность ее преодоления или отмены, не только территория или пространственные определенности, но и субъект с его темпоральными модификациями. «Та» и «эта» стороны границы не просто сталкиваются, но перемешиваются и образуют территорию. В таком случае мыслить границу нужно не как границу-линию, а как границу-складку, где «идеальная складка является *Zwiefalt*, складкой, различающей и различающейся» [Делёз 1998: 54]. «Складка» (*plica* — *лат.*) предполагает не просто собственное разворачивание (*explicatio*), но возникновение или проявление феноменов, до разворачивания складки «не существующих», феноменов, которые, будучи проявлены, трансформируют саму складку или определяют переход от складки к складке. Иными словами, речь идет не просто о разворачивании складки, но об обнаружении того, что в развернутом таким образом пространстве всегда остаются некоторые следы как разделения, так и единства «тут» и «там».

2 Элиот Т.С. Четыре квартета // Элиот Т.С. Камень: Избранные стихотворения / Пер. с англ. А. Сергеева. М.: Христианская роза, 1997. С. 162.

По отношению к так понимаемой границе, границе-складке, можно говорить не просто об условности, но именно о невидимости границы: волк, отбившийся от стаи или еще сохраняющий связь с ней, эту границу причастности чувствует, но не прочерчивает, он вынужден вступать в отношения с самой границей³. Способ существования «на границе», вблизи самой границы позволяет различить массу и стаю, где стая предполагает иной род общности, иные дискурсивные и недискурсивные практики, иные порядки организации. Сама граница обладает собственной динамикой, властью, способом проявленности. Здесь граница обретает измерение не просто подвижности, но динамической невидимости, по отношению к которой нечто чувствуется или ощущается определенным образом, но не фиксируется, не является своего рода артефактом, не может быть точно или полностью локализовано. Граница-складка для повседневности оказывается своего рода «слепым пятном», «серой зоной», тем самым пространством неопределенности, которое обнаруживает естественное стремление редуцировать складку к линии, скрыть то, что делает саму линию возможной.

Обнаруживаемая двойственность границы как того, что обладает своей агентностью, властью, нечто диктует, и как того, с чем по необходимости оказывается связан субъект, с чем он вступает в динамические отношения, что он пытается присвоить, контролировать, трансформировать в линию или редуцировать к ней, — эта двойственность актуализирует вопрос о причастности и к самой границе, и к тому, что обнаруживается по обе ее стороны. В темпоральном измерении вопрос о границе, следовательно, всегда ставится из момента «теперь», из того настоящего, в котором различные способы разворачивания границы оставили свои следы, в котором нашли место различные способы мышления и внесения определенности, в котором реализуются различные порядки дискурсов. Событийность тех или иных взаимодействий с границей сталкивается с причастностью к тому порядку феноменов, который проявился в процессе разворачивания складки. Причастность при этом мыслится как условие событийности, как указание на «сингулярности, развернутые в проблематическом поле, в окрестности которого происходит отбор решений» [Делёз 1999: 85]. Вопрос о динамической природе границы есть в таком случае вопрос о том, как именно она разворачивается (эксплицируется) или может быть развернута, с одной стороны, и как обнаруживает себя связь с ней или как проявляются те феномены, которые не существовали до разворачивания складки, — с другой. Иными словами, вопрос о том, причастью к чему является граница-линия.

В современном мышлении общим местом является критика проекта модерна, отказ от оснований, требование децентрации субъекта, оспаривание бинарных оппозиций центра и периферии, глубины и поверхности. Тем, что обнаруживается при экспликации этих топосов, и является тематика границ. Идет ли речь о необходимости соблюдения или защите личных границ, потере национальной и культурной идентичности, стратегиях собственной идентификации, различного рода средах, конце антропоцена или об образовании особых торговых зон, отказа и критики понятия империи, закрытых или открытых сооб-

3 См. «Тысячу плато» [Делёз, Гваттари 2010], где оспаривание классических оппозиций ведет к стиранию границ между человеком и животным, открывая различные измерения и типы сборок, то есть горизонт тела без органов.

ществах — в центре современной повестки оказываются именно границы. При этом границы мыслятся как линии, нарушаемые или защищаемые, прочерчиваемые или стираемые, проницаемые или герметичные, но чаще всего как нечто самопонятное, как «задача при наведении моста». Именно этим (попыткой обнаружения истоков этой двойственности в понимании границы, процесса постоянной редукции складки к линии) и обусловлена необходимость обращения к классическому наследию, тому наследию, которое сформировало критикуемый проект модерна, подвергаемый столь жесткой и в общем-то практически безальтернативной критике в современности. Иными словами, редукция классического наследия к топосу «модерн» произведена, а следовательно, важно эпистемологически и методологически поставить эту редукцию под вопрос.

* * *

Оспаривание субъекта в его субъективности, заложенное уже в самой критике новоевропейской традиции, критике проекта модерна, требованиях диверсификации философии, есть отказ от основания. Можно возразить, что субъект — лишь один из типов оснований, сформированный, если речь идет о классическом новоевропейском субъекте, в XVII веке, и требование децентрации субъекта вовсе не означает отказа от основания как такового. Однако формирование новоевропейского субъекта является длительным процессом трансформации субъекта в логико-грамматическом смысле, процесса, результатом которого является стягивание всех смыслов (в движении от *hypokeimenon* к *subjectum*) основания к картезианскому субъекту [Черняков 1998: 11–38]. Определенность, получаемая через смену основания (с *ontos* на *cogito*), изначально мыслится в терминах территории, будь то территория разума, безопасности, пространства, на котором можно заложить прочный фундамент. Следовательно, отказ или оспаривание новоевропейского субъекта есть постановка под вопрос не только определенного типа стягивания смыслов, но и проблематизация понятий территории, безопасности, нации и т.д., а вместе с этим — проблематизация и самого процесса стягивания как такового. Последнее в постструктуралистской традиции и ряде темных, неклассических, нестабильных онтологий начинает мыслиться как определенная склонность, обратная сторона невозможности двигаться к пределу своих интенсивностей или «жить на грани, у предела собственной способности быть аффектированным...» [Делёз 2016: 34].

Процесс стягивания смыслов (уже не только к новоевропейскому субъекту, но и к языку, телу, etc. — всему, что может претендовать на роль основания), мыслимый как процесс формирования основания, понимается как одна из возможностей выделения, герметизации территории (в противовес простому перемещению или ориентированию на ней), которая лишь открывает возможности ретерриторизации и формирует «аппараты захвата». Требование основания, заявляемое со всей отчетливостью в Новое время, мыслится как тип остановки, перехода к оседлому существованию, обмен свободы на определенность и безопасность — экспликация границ, наложенных субъектом на себя самого, в область предметности. Отказ от субъекта в его онтологическом измерении оказывается в таком случае отказом от основания ровно постольку, поскольку удерживание основания ведет к неразличимости, утрате даже того, что ложится в основание: «Или же удушающее тело субъективации, которое

делает освобождение тем более невозможным, что не позволяет даже различать субъектов [Делёз, Гваттари 2010: 271].

Современность формирует обратное стремление: к высвобождению интенсивностей, к разгерметизации территории, к перекодированию потоков: «соединять, сопрягать, продолжать — целая “диаграмма” против все еще означающих и субъективных программ» [Делёз, Гваттари 2010: 268]. Субъект (а вслед за ним и основание как таковое) из этой оптики оказывается лишь стратегией подражания, мимикрии: «...небольшие запасы означивания и субъективации — они должны сохраняться, пусть даже для того, чтобы поставить их против собственной системы, когда того требуют обстоятельства, когда вещи, люди, даже ситуации вынуждают вас к этому; и небольшие порции субъективности — они должны сохраняться в достаточной мере, чтобы уметь отвечать господствующей реальности. Подражайте стратам» [Делёз, Гваттари 2010: 267]. В этом смысле постструктуралистская традиция наследует Хайдеггеру: новоевропейский субъект возник как результат определенного «посыла судьбы бытия, в котором бытие посылает себя в качестве предметности и таким образом предоставляет сущее в качестве предметов» [Хайдеггер 2000: 141]. В свою очередь, основание, требование которого предъявлено и заявляет о своем «могуществе» именно в эту эпоху, позволяет констатировать: «выступает на передний план тот тревожный факт, что бытие как таковое все решительнее уклоняется» [Хайдеггер 2000: 117]. Субъект как реализация «посыла судьбы» становится судьбой основания, то есть, согласно Хайдеггеру, способа проявленности, самораскрытия бытия. Соответственно, оспаривание основания в современности оборачивается еще и требованием иной, неклассической онтологии (онтологий), а вместе с ней и пересмотра всего методологического и эпистемологического инструментария.

Тематизация новоевропейского субъекта, необходимая в качестве отправной точки заданного еще Хайдеггером движения к установлению границ новоевропейской метафизики («Она (деструкция новоевропейской метафизики. — И.М.) призвана наоборот очертить эту последнюю в ее позитивных возможностях, а это всегда значит в ее границах, которые фактично заданы всякий раз конкретной постановкой вопроса и ею предначерченным ограничением возможного поля исследования» [Хайдеггер 2003: 38]), отсылает к воле как способу доступа к основанию и действию, как способу перехода от основания к обоснованному. В свою очередь, проблематизация желания, пространства практик, самой стратегии субъективации — всего, что связано с новоевропейским субъектом, позволяет констатировать, что субъект, понятый как основание, сам выступает в качестве складки. Граница-складка, полагаемая как различие между реальностью и воображаемым, своим и чужим, отчетливым и смутным, не только полагается и разворачивается самим субъектом, но и конституирует субъекта в его субъективности, более того, граница конституирует и территорию, то есть требует от субъекта удержания, защиты, восстановления или подкрепления самой границы-линии.

* * *

Динамика конституирования субъекта и предметного поля так, как она представлена в классическом наследии, позволяет мыслить границу трояким обра-

зом: граница может пониматься как полагаемое-преодолеваемое, определенное-сходящееся или размечающее-различающее. Субъект как складка должен содержать в себе то, что ускользает от него самого, неподконтрольно ему, то, причастность к чему обнаруживает себя как возможность границы, и то, что раскрывается в процессе разворачивания складки. Соответственно, путь к субъекту пролегает через тематизацию самой границы, через те способы, которыми субъект способен вступать в отношения с тем, причастным к чему он оказывается, что задает динамику его (само)конституирования и взаимодействия с предметностью. Как представляется, такой способ работы наиболее отчетливо представлен в философии Фихте, Шеллинга и Шопенгауэра.

В философии Фихте учение о границе связано с разворачиванием полагающей деятельности Я, где «мы приписываем себе этим (возможностью утверждать нечто достоверное без всякого на то основания. — И.М.) способность полагать нечто безусловным образом» [Фихте 1993б: 75]. Положенное безусловным образом есть не предмет, но связь между субъектом и предикатом в принципе тождества: «необходимая связь между ними и есть то, что полагается безусловно и без всякого дальнейшего основания. Предварительно я буду называть эту связь = X» [Фихте 1993б: 75–76]. Последовательное продвижение к этому X позволяет заключить: «И безусловно полагаемое X можно выразить следующим образом: Я = Я; Я емь Я» [Фихте 1993б: 77]. В безусловном полагании Я и том, что оно основано исключительно на самом себе, обретается исток всякого, включая принцип тождества, достоверного «действия человеческого духа». Однако введение основания или возможности обосновывать эмпирически достоверное, с которого Фихте начинает свое наукоучение, уже полагает границу: Я как абсолютный субъект «есмь безусловно, т.е. Я емь безусловно потому, что Я емь; Я емь безусловно то, что Я емь; в обоих случаях — для Я» [Фихте 1993б: 81]. Последняя оговорка — для Я — позволяет перейти ко второму «по своему содержанию обусловленному» основоположению: «Я безусловно противоплагается некоторое не Я» [Фихте 1993б: 88]. Развитие обоих положений приводит к ситуации, когда они и уничтожают, и не уничтожают сами себя, то есть одновременно должны быть истинны «Я не = Я», «Я = не-Я» и «не-Я = Я» [Фихте 1993б: 91]. Соответственно, для того чтобы сохранить тождество сознания, чтобы было возможно утверждать одновременную истинность указанных положений, должен быть найден некоторый X, являющийся продуктом «действия человеческого духа = Y»: «Y будет взаимоограничением обеих противоположностей, а X будет обозначать границу» [Фихте 1993б: 92]. Принципиальным является то, что понятие границы не является аналитическим понятием, что и указывает на то, что граница здесь вовсе не понимается статически, напротив, «в понятии границы содержится больше, чем искомое X; в нем одновременно содержится понятие реальности и отрицания, которые объединяются» [Фихте 1993б: 92]. Само полагание границы между Я и не-Я означает лишь необходимость ее преодоления в синтезе Я и не-Я. Синтез, в свою очередь, полагает новую границу, требующую своего преодоления... В пределе можно говорить о двух рядах: «ряде действий Я» и ряде «наблюдений философа за действиями Я», где последнее есть воспроизведение динамики полагания и преодоления границы, динамики, проявляющей те или иные феномены. Динамику полагания границы можно мыслить как внесение Различия внутрь Различия, результатом чего оказывается динамическая проявленность Я, указывающая на Я как перформатив. Иными словами, Я оказы-

вается тем, что конституирует собственную определенность именно в процессе полагания и преодоления границы, причем делает это таким образом, что само же выводит себя к явленности. В речи «О достоинстве человека» это понимание границы проговаривается напрямую:

Где бы ты ни жил, ты, что носишь человеческий образ, приближаешься ли ты к животным, под палкой погонщика, сажая сахарный тростник... являешься ли ты мне самым жалким и отвратительным злодеем, все-таки ты — то же, что и я, ибо ты можешь сказать мне: Я есть. Ты все же мой товарищ и брат. О, я стоял, конечно, когда-то на той же ступени человечества, на которой стоишь ты теперь, ибо это есть одна из ступеней человечества и на этой лестнице нет скачков; быть может, я стоял на ней без способности ясного сознания; быть может, я так быстро и торопливо над ней поднялся, что не имел времени возвести в сознание мое состояние; но я, разумеется, стоял некогда там, и ты будешь неизбежно там, где я теперь... [Фихте 1993а: 440].

Здесь обнаруживается причастность к Я, которое в динамике полагания и преодоления границы конституирует эту «лестницу без скачков», минуя осознание или присвоение. Граница здесь является складкой, причем такой, что сам процесс разворачивания (экспликация) границы проявляет Я, внося различие между Я полагающим и Я судящим (выносящим суждение), различие, через которое обнаруживается необходимость вступать в отношения с Я. Если же современность отказывается в отличие от Фихте не только утверждать, но и полагать возможным «до конца измерить человеческий дух», то само Я и оказывается тем слепым пятном, причастностью к которому является то, что мы полагаем в качестве определенностей собственного Я. Утверждением бесконечности фихтеанской лестницы полагается и весь горизонт неопределенности того, что и, главное, как может раскрыться для судящего, рефлектирующего Я, неопределенности, усиливающейся еще и тем, что обнаруживаемое в процессе разворачивания Я обладает, как отмечалось, необходимостью. Фихтеанское понимание границы максимально близко к тому, что обозначается понятием фронта, остановка которого трансформирует фронт в границу-линию. Формулой для так понимаемой границы-фронта является «то, что всегда-уже-будет».

Иное понимание границы находим у Шеллинга. Здесь речь идет о границе как пределе схождения, совпадения в каждом продукте творения начал природы и Я (интеллигенции). Шеллинговская методологема — разделение как способ объективации (а в случае трансцендентальной философии — самообъективации) того, что лишь предполагается или ощущается, — масштабируется от общего порядка познания до прояснения конкретных феноменов или актов свободы. Так, общая задача объяснения возможности знания, понимаемого как совпадение субъективного и объективного, предполагает разделение наук на натурфилософию и трансцендентальную философию:

Если всякое знание имеет как бы два полюса, которые предполагают и требуют друг друга, то они должны во всех науках стремиться друг к другу; поэтому необходимо должны быть две основные науки, и, исходя из одного полюса, невозможно не прийти к другому [Шеллинг 1987б: 233].

Соединение разделенного, являющееся выводением к осознанию не только частей деления, но и их связи (то есть как возможности произвести операцию деления, так и возможности самих частей деления), предполагает необходи-

мость занимать определенную позицию, структурирующую и определяющую порядок дальнейшего движения:

Сливающиеся в обыденном сознании положения — я существую и вне меня существуют вещи — трансцендентальный философ разделяет (предпосылает одно другому), именно для того, чтобы доказать их тождественность и действительно выявить ту непосредственную связь, которая в обыденном сознании лишь ощущается. Посредством самого акта этого разделения, если он полностью совершен, философ переходит в сферу трансцендентального рассмотрения, которое отнюдь не естественно, а искусственно по своему характеру [Шеллинг 1987б: 236—237].

Таким образом, ритмика, заданная в принципе связи, обнаруживает необходимость определенной позиции, из которой производимое деление раскрывает и делает предметом осознания непосредственно присутствующее в разделяемом, чтобы затем вернуться к этому разделяемому как объективированному и проясненному в условиях собственной возможности.

Столкновение тождественного и синтетического, субъективного и объективного, заложенное в феномене знания и, соответственно, обнаруживаемое с трансцендентальной позиции, столкновение, непосредственно содержащееся в «складке» обыденного сознания, при разворачивании обнаруживает задачу «найти точку, в которой объект и его понятие, предмет и представление о нем изначально абсолютно и без всякого опосредствования едины» [Шеллинг 1987б: 253]. Итогом этого движения, то есть тем, что связывает искусственно разделенное; обуславливает достоверность синтетических положений и саму возможность тождественного; определяет возможность и порядок реализации познания, его систему и многообразие, — является Я, понятое не как означающее или статическое, но, напротив, как полагающая и бесконечная деятельность:

Извечный, совершаемый вне всякого времени акт самосознания, именуемый нами Я, есть то, что дает всем вещам наличное бытие, что, следовательно, само не нуждается в каком-либо ином бытии, которое служило бы ему основой, но, опираясь на самого себя и поддерживая самого себя, объективно являет собой вечное становление, субъективно — бесконечное продуцирование [Шеллинг 1987б: 263].

Движение от реальности субъективного к объекту, как отмечалось, является лишь одним из двух возможных движений. Обратное движение — натурфилософия — также имеет дело с продуктивностью как способом объяснения многообразия, причем в точном соответствии с первоначальным разделением на субъективное и объективное, различие в продуктивности прослеживается и здесь:

Подлинная история природы, объектом которой служат не продукты, а сама природа, прослеживает единую, как бы *сопротивляющуюся свободе продуктивности* (курсив мой. — И. М.) на всех поворотах и изгибах ее пути вплоть до той точки, где она в конце концов должна угаснуть в продукте [Шеллинг 1987а: 213].

Оппозиция «продуцирование — продукт» повторяет оппозицию синтетических и тождественных суждений соответственно. Как в синтетических суждениях для того, чтобы нечто могло быть связанным, должны быть разделены субъект и предикат, причем разделены в самом суждении, так и

продуктивность должна быть изначально ограничена. Поскольку вне ограниченной продуктивности есть (только) чистое тождество, то ограничение не может

быть дано посредством уже имеющейся различенности (Differenz) и, следовательно, должно быть результатом возникающей в самой продуктивности противоположности... [Шеллинг 1987а: 214].

Справедливо и обратное: в возникающей противоположности есть стремление к неразличенности, то есть тождеству, единство природы должно сопрягаться с множеством «отдельных продуктов» природы, причем так, чтобы продуктивность самой природы исчерпывалась в отдельном продукте, но не иссякала совсем. Отсюда:

Сохранение же противоположности мыслимо только в том случае, если она бесконечна — если самые крайние ее границы остаются расходящимися в бесконечность, так что всегда могут быть произведены только опосредствующие звенья синтеза, но сам последний и абсолютный синтез никогда произведен быть не может, вследствие чего никогда не будет достигнута абсолютная точка неразличенности, а достигаются только ее относительные точки [Шеллинг 1987а: 215].

Вечному становлению в субъекте ставится в соответствие бесконечная продуктивность природы.

Последовательное разворачивающее связывание отдельных продуктов природы и интеллигенции есть разновидность границы-складки, которая может быть названа конфигуративной. Вопрос о возможности мыслить вечное становление по аналогии с бесконечной продуктивностью природы реализуется в решении вопроса о возможности свободы, в которой сходятся, совпадают формы природы и интеллигенции:

Нетрудно понять, что благодаря противодействию, необходимому для совершенного рождения, глубочайшая связь сил распадается лишь в процессе постепенного развертывания и что на каждой ступени разделения сил в природе возникает новое существо, чья душа тем совершеннее, чем в большей степени в нем содержится разделенным то, что еще нераздельно в других. Показать, как каждый последующий процесс все более приближается к сущности природы, пока наконец при высшем разделении сил не открывается глубочайший внутренний центр, является задачей завершенной натурфилософии [Шеллинг 1989: 111].

При этом сама возможность свободы требует решения вопроса о возможности зла, которое не может пониматься, согласно Шеллингу, как простая нехватка или немощь:

Объяснения такого рода вообще основаны на безжизненном понятии положительного, согласно которому положительному может противостоять только лишение. Однако существует и среднее понятие, которое образует реальную противоположность положительному и весьма далеко от понятия просто отрицаемого [Шеллинг 1989: 118].

Напротив, речь идет об определенной конфигурации, которая только и позволяет произвести различие добра и зла. В зле присутствуют ровно те же силы, те же составляющие, что и в добре:

В разьединенном целом содержатся те же элементы, которые были в едином целом; материальное в них одинаково (в этом аспекте зло не более ограничено и не хуже, чем добро), но формальное в них совершенно различно, и это формальное проистекает из самой сущности или из положительного [Шеллинг 1989: 118].

Зло как возможность обосновывается, с одной стороны, отпадением от первоначального единства сил, а с другой — стремлением воли воссоздать это единство по собственному плану. Именно поэтому возникает возможность зла, возможность, понятая как воля, «ищущая своего», то есть отделенная от любви, если следовать «Первому посланию к Коринфянам» апостола Павла. В таком случае свобода есть реализация игры уже заданных сил, возможность той или иной их конфигурации, причем с бесконечной возможностью вариации. Схождение природы и духа в свободе оказывается реализацией всей полноты творения и, следовательно, границей (пределом) самого Творения. Здесь мы обнаруживаем причастность к изначальному плану Творения и игре сил, проявленных в самой природе воли, то есть в измерении выбора вступаем в отношения с всегда наличествующей (действительной) свободой. Если современность отказывается от субъекта как центра, озабочена его децентрацией, то в постоянном стремлении к эмансипации раскрывается лишь горизонт и возможность бесконечного движения к свободе, то есть свобода оказывается тем, что всегда присутствует, но присутствует в модусе ускользающего целеполагания. Граница здесь понимается как предел схождения, своеобразный императив мощи, актуализированной потенции, формулой которого является «то, что всегда уже-теперь».

Помимо границы как порога (Фихте) и границы как предела (Шеллинг) границу можно мыслить и как исток или начало. В философии Шопенгауэра мы обнаруживаем возможность понимания границы как того, что в собственном смысле разворачивается, порождая два расходящихся ряда: воли и представления. Причем если ряд представления отсылает к «истине непосредственно достоверной», что «мир — мое представление», то ряд воли отсылает к истине «очень серьезной, которая должна вызывать у каждого, если не *страх* (курсив мой. — И.М.), то раздумье, чтобы он также мог и должен был сказать: “Мир — моя воля”» [Шопенгауэр 1993: 142]. Страх или раздумье связаны с неоднородностью поля объектов, точнее, с первым классом объекта для субъекта — собственным телом. Именно тело обнаруживает двойное сопротивление в понимании мира и как представления, и как воли: «правда, сознание каждого, которое сопротивлялось уже утверждению, что все другие объекты — лишь представления, сопротивляется еще больше тому, что собственное тело надо считать только представлением...» [Шопенгауэр 1993: 155]. Исток этого сопротивления в непосредственной данности тела, которое тем самым отличает его как представление от всех остальных представлений, данных лишь опосредованно, а как воля не может быть присвоено.

В первом издании трактата «О четверояком корне закона достаточного основания» Шопенгауэр указывает на тело как на первый класс объектов для субъекта — непосредственный объект. Сложность со стороны субъекта здесь заключается в том, что «хотя восприятие ощущений тела безусловно непосредственно, но от этого последнее само еще не становится объектом: напротив, до сих пор все остается пока еще субъективным, т. е. именно ощущением» [Шопенгауэр 2001: 65]. Как исток созерцания всех прочих объектов для познания оно представлено лишь комплексом ощущений, то есть при непосредственной данности не может быть непосредственно познаваемо. Само тело требует опосредования для того, чтобы стать объектом:

Объективно, т.е. в качестве объекта, и оно познается только косвенно, потому что, подобно всем другим объектам, в уме или мозгу (это одно и то же) оно представляется как познанная причина субъективно данного действия и именно поэтому — *объективно* [Шопенгауэр 2001: 65].

Таким образом, тело как непосредственный объект сам по себе для субъекта требует собственного опосредования, чтобы быть познаваемым. Иными словами, через указание на тело или, если угодно, по линии тела проходит граница между субъектом и объектом:

Они *непосредственно* (курсив мой. — *И.М.*) ограничивают друг друга: там, где начинается объект, кончается субъект. Общность этой границы проявляется в том, что существенные и потому общие формы всякого объекта — время, пространство и причинность — могут быть найдены и познаны и без познания самого объекта, исходя из субъекта, т.е., говоря языком Канта, а priori находятся в нашем сознании [Шопенгауэр 1993: 143].

Тело как первый класс объектов для субъекта требует перепрочтения кантовского понимания а priori поскольку то, что представляет собой тело как объект для субъекта, тело как представление, промахивается мимо самого тела в его данности, что отсылает ко второму ряду — ряду воли.

В трактате «Мир как воля и представление» то, что ранее обозначалось как непосредственный объект, называется «объектностью воли», более того, «воля — познание тела а priori, а тело — познание воли а posteriori» [Шопенгауэр 1993: 229]. Перепрочтение кантовского понятия а priori, таким образом, заключается в указании на тело, которое, с одной стороны, является, как отмечалось, истоком всего разворачиваемого ряда представлений, а с другой — понимаемое как вещь в себе, открывает доступ к реальности этих представлений:

Если мы хотим придать телесному миру, который непосредственно существует только в нашем представлении, наибольшую известную нам реальность, то мы должны дать ему ту реальность, которую для каждого имеет собственное тело, ибо оно для каждого самое реальное [Шопенгауэр 1993: 233].

При этом само тело проблематизируется не только как представление, но и как воля. Воление не только не может быть объяснено из мотивов, поскольку мотив всегда носит частный характер и имеет место в определенное время и в определенных обстоятельствах, то есть не «определяет максимум, характеризующую все мое воление», но и сама воля остается своего рода слепым пятном. Если воля оказывается тем, что стоит и за порядком представлений субъекта, проявленных в его действиях, и за «пребывающим субстратом» — телом, то сама она

хотя и составляет самое непосредственное в его (субъекта. — *И.М.*) сознании, но в качестве такового не вошла полностью в форму представления, где объект и субъект противостоят друг другу, а возвещает о себе непосредственным образом, без вполне ясного различения субъекта и объекта, и самому индивиду открывается не в целом, а лишь в своих отдельных актах... [Шопенгауэр 1993: 237].

Таким образом, именно в теле обнаруживается то состояние субъекта, тот источник, из которого, с одной стороны, разворачиваются порядки воли и представ-

ления, а с другой стороны, исток оказывается столь же непосредственно дан и очевиден, сколь и закрыт. По-настоящему субъект становится сам от себя сокрытым именно здесь, и что особенно важно — сокрытым в измерении собственного тела, опять же связанного со способностью желания.

Однако утверждение тела как истока предполагает вопрос о возможности к нему (истoku) возвращения или вопрос о том, что позволяет утверждать целостность этого истока, или же вопрос о том, что выводит за порядок представлений и позволяет столкнуться с волей не абстрактно, а *in concreto*. Иными словами, возникает вопрос о том, что представляет из себя непосредственный опыт тела. Сам Шопенгауэр указывает на два таких состояния — боль и наслаждение:

...совершенно неправильно называть боль и наслаждение представлениями: они отнюдь не представления, а непосредственные состояния воли в ее явлении, в теле, вынужденное мгновенное воление или неволение воздействия, испытываемого телом [Шопенгауэр 1993: 229].

Пульсация наслаждения и боли есть то, что возвращает к началу обоих рядов (воли и представления), позволяя тем самым пересобирать и образ тела, формируемый в порядке представлений, и то, что полагается как возможность владения или присвоения, например в утверждении «это мое тело». Если воля дана в отдельных актах, а никогда не целиком, то опыт тела оказывается истоком динамической пересборки субъекта в его субъективности. Таким образом, в философии Шопенгауэра обнаруживается еще одно измерение причастности — причастности (в модусе возможности) к телу. Ничем не гарантированный опыт боли или наслаждения, не обязательно осознанный или удерживаемый в памяти или рефлексии, может быть прочитан как возможная экспликация самости, то, «откуда мы вышли» (Элиот), или обозначает еще одну модальность границы в формуле «всегда-уже-позади».

Три рассмотренных образа границы показывают, как возможно иметь дело с границей не только в ее пространственном измерении, но и во временном. В измерении времени разворачивается горизонт будущего как возможности иной сборки себя самого через непосредственный опыт тела, опыт наслаждения и боли: прошлое как исток здесь и сейчас присутствующей сборки субъекта в его всегда частичной рефлексии и реконструкции оказывается чревато будущим; присутствующее и действительное настоящее открывает территорию бесконечных вариаций: прошлое содержит в себе и потенцию, и образ того, что реализуется в интенции будущего, то есть телеологическом измерении; прошлое же обнаруживает необходимость историзации Я: восстановление неосознаваемых и неотрефлексированных «ступеней» становления Я показывает наличное состояние как основанное в самой структуре и ритмике Я, которая указывает, если лестница бесконечна, на неизбежность его (наличного состояния) преодоления.

Возможность иметь дело с границей таким образом позволяет скорректировать ряд общих мест, где Я фиксируется как растождествленное, а субъект — как расщепленный; где выбор как возможность свободы определяется в качестве результата работы определенных дискурсивных формаций, а субъект — как эффект, след, оставленный не работающей более стратегией ускользания; где тело понимается как предмет биополитики, а субъект — как неразличимый в поглотившей его сети диспозитивов. В оптике темных, нестабильных, не-

классических онтологий история тематизации границы есть история (само)деструкции новоевропейского субъекта: то, что возникает при разворачивании складки, отменяет его самого в процессе редукции складки к линии. Следовательно, из этой оптики сам субъект в своем рождении и есть граница, эксплицируемая в трех названных образах (исток, предел и преграда), то есть в пределе он есть тот исток, который требует собственного преодоления именно в том, в чем он развернут (эксплицирован): основание, воля, действие. Однако даже беглая реконструкция классических представлений о границе показывает, что субъект требует собственного преодоления не как таковой, но в том измерении, в котором происходит указанная редукция складки к линии, а сам субъект замыкается в своих наличных определенностях, то есть утрачивает динамическую причастность к Я, свободе или телу.

Указание на «слепые пятна» динамически понятой границы позволяет прочесть тезис Агамбена о том, что современник оказывается «способным вглядываться во тьму эпохи, но и... воспринимать в этой тьме свет, к нам направленный, но удаляющийся от нас в бесконечность» [Агамбен 2012: 52], как стремление или внимание к пустоте, слепоте, структуре того, что стоит за так или иначе прочерченной, полученной и удержанной определенностью Различия. И если граница-линия оказывается условной, требующей ускользания, движения к пределам своих интенсивностей, берется в динамической (не)определенности собственного прочерчивания, то граница-складка открывает измерение причастности, которое и выступает как условие возможности любого прочерчивания, любой определенности, любой фиксированной наличности. И наоборот: редукция границы-складки к границе-линии есть формирование экрана, позволяющего справиться с вызовом причастности, то есть страх неопределенности и неготовность к выходу за пределы сформированной территории «безопасности». Иными словами, граница оказывается условностью, которую мы не в состоянии игнорировать, но всегда можем изменить, переписать, прочертить иначе, поскольку всякая линия есть лишь след постоянно беспокойщей нас причастности.

Библиография / References

- [Агамбен 2012] — Агамбен Дж. Что современно? / Пер. с ит. А. Соколовски. К.: Дух і Літера, 2012.
- (Agamben G. Che cos'è il contemporaneo? Kiev, 2012. — In Russ.)
- [Делёз 1999] — Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.Я. Свирского, А.Б. Толстова. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- (Deleuze G. Logique du sens. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Делёз 1998] — Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Логос, 1998.
- (Deleuze G. Le Pli — Leibniz et le baroque. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Делёз, Гваттари 2010] — Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; Астрель, 2010.
- (Deleuze G., Guattari F. Mille Plateaux — Capitalisme et schizophrénie. Ekaterinburg, 2010. — In Russ.)
- [Делёз 2016] — Делёз Ж. Лекции о Спинозе 1978—1981 / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2016.
- (Deleuze G. Spinoza 1978—1981, Moscow, 2016. — In Russ.)

- [Фихте 1993а] — *Фихте И.Г.* О достоинстве человека // *Фихте И.Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. Б.В. Яковенко. СПб.: Мифрил, 1993.
- (*Fichte J.G.* Über die Würde des Menschen. Saint-Petersburg, 1993. — In Russ.)
- [Фихте 1993б] — *Фихте И.Г.* Основа общего наукоучения // *Фихте И.Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. Б.В. Яковенко. СПб.: Мифрил, 1993.
- (*Fichte J.G.* Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre. Saint-Petersburg, 1993. — In Russ.)
- [Хайдеггер 2003] — *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
- (*Heidegger M.* Sein und Zeit. Khar'kov, 2003. — In Russ.)
- [Хайдеггер 2000] — *Хайдеггер М.* Положение об основании / Пер. с нем. О.А. Коваль. СПб.: Алетейя, 2000.
- (*Heidegger M.* Der Satz vom Grund. Saint-Petersburg, 2000. — In Russ.)
- [Черняков 1998] — *Черняков А.Г.* В поисках утраченного субъекта // *Метафизические исследования.* 1998. Вып. 6: Сознание. С. 11—38.
- (*Chernyakov A.G.* V poiskah utrachennogo sub'ekta // *Metafisicheskie issledovania.* 1998. Iss. 6: Soznanie. P. 11—38.)
- [Шеллинг 1987а] — *Шеллинг Ф.В.Й.* Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умоизобразительной физики и о внутренней организации системы этой науки // *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Философское наследие, 1987.
- (*Schelling F.W.J.* Einleitung zu seinem Entwurf eines Systems der Naturphilosophie. Oder über den Begriff der spekulativen Physik und die innere Organisation eines Systems dieser Wissenschaft Einleitung zu dem Entwurf eines Systems der Naturphilosophie. Moscow, 1987. — In Russ.)
- [Шеллинг 1987б] — *Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма // *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Философское наследие, 1987.
- (*Schelling F.W.J.* System des transzendentalen Idealismus. Moscow, 1987. — In Russ.)
- [Шеллинг 1989] — *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой природы и связанных с ней предметах // *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. М.: Философское наследие, 1989.
- (*Schelling F.W.J.* Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit. Moscow, 1989. — In Russ.)
- [Шопенгауэр 1993] — *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю.А. Айхенвальда. М.: Наука, 1993.
- (*Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vorstellung. Moscow, 1993. — In Russ.)
- [Шопенгауэр 2001] — *Шопенгауэр А.* О четверояком корне закона достаточного основания // *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Малые философские сочинения / Пер. с нем. Ю.А. Айхенвальда. М.: ТЕРРА — Книжный клуб «Республика», 2001.
- (*Schopenhauer A.* Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde. Moscow, 2001. — In Russ.)